

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-29-44

Е. Д. Трухан¹*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк)*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПИСЬМАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1855–1857 ГОДОВ²

Литературные реминисценции Ф. М. Достоевского в письмах 1855–1857 годов рассматриваются как феномен эксплицитности художественного текста в эпистолярии. Они маркируют ключевую ситуацию творческого сознания писателя – индивидуальное решение эстетического вопроса при повторном вхождении в литературу.

Ключевые слова: реминисценция, Ф. М. Достоевский, письма Достоевского 1855–1857 годов, творческое сознание писателя, читательское восприятие, заимствование.

E. D. Trukhan*Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky (Novokuznetsk)*

LITERARY REMINISCENCES IN F. M. DOSTOEVSKY'S LETTERS OF 1855–1857

Literary reminiscences of F. M. Dostoevsky in letters of 1855–1857 are considered as a phenomenon of explicit aesthetic reflection of the author. They mark the main situation of the writer's creative consciousness – an individual solution to the question of new artistry when re-entering literature.

Keywords: reminiscence, F. M. Dostoevsky, Dostoevsky's letters of 1855–1857, creative consciousness of the writer, the reader's perception citation.

Письма Ф. М. Достоевского во времена кузнецких событий (1855–1857) изобилуют литературными реминисценциями³. Это явление, обычно присущее художественному дискурсу, обнаруживается у Достоевского в эпистолярии. Думается, данный факт вовсе не случаен.

¹ Елена Дмитриевна Трухан – заместитель директора по научной работе МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (Новокузнецк), член Союза писателей России. dostoevski_nv kz@mail.ru.

² Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».

³ Большой Энциклопедический словарь называет реминисценцию «смутным воспоминанием, отголоском». Её считают «результатом невольного заимствования автором чужого образа, мотива, стилистического приема, интонационно-ритмического хода» [Большой Энциклопедический словарь, 2000]. Литературная энциклопедия в 11 томах под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского определяет реминисценцию как «сознательное или неосознанное воспроизведение писателем неполной цитаты, «осколка» чужой фразы, при котором лексические элементы («чужой речи») занимают в синтаксических или ритмико-синтаксических конструкциях (т.е. в предложениях или в стихах) те же позиции, что и в тексте-источнике» [Фриче, Луначарский, 1929–1939]. Словарь синонимов предлагает в качестве эквивалента «реминисценции» использовать такие лексемы, как: «воспоминание», «память», «отражение», «намек», «отголосок», «отзвук» [Словарь синонимов, 2013].

После каторги писатель стремится возвратиться в литературу, испытывает подъем творческих сил. Мысли о литературе, поиске новых форм и нового языка всецело овладевают им. «Литературность относится к числу наиболее широко признанных свойств художественного языка Достоевского» [Ковалев, 2011, с. 67], – пишет барнаульский исследователь О. А. Ковалев. Разработкой данной темы занимались многие исследователи, в числе которых Д. С. Лихачев, Г. М. Фридлиндер, Е. И. Семенов, В. Е. Ветловская, Р. Г. Лейбов, В. С. Нечаева, Г. К. Щенников, Г. Г. Амелин, Н. Т. Ашимбаева и др.

Одним из ярких проявлений литературности творческого сознания, его воплощения в текстах разных жанров являются реминисценции. Присущие, как правило, художественной литературе, ассоциативно направляющие читателя к произведениям других авторов, в эпистолярии Достоевского они маркируют ситуацию пробуждения творческого сознания и игры воображения, представляются всплесками скрытой интенсивной жизни писателя, той интеллектуальной «внутренней работы» (т. 28/1, с. 209), которая всегда кипела.

Широкие функционально-стилистические возможности эпистолярного жанра, которому он отдается в 1855–1857 годах (не столько носителя бытовой информации, сколько творческой лаборатории художника слова), позволяют разрешить важные эстетические задачи, в том числе – восстановление сущностного для автора культурного контекста, интенсивный поиск и формирование новой манеры письма и нового взгляда на материал будущих произведений.

Методологическими проблемами литературной реминисценции в текстах Ф. М. Достоевского и других авторов в разное время занимались Д. С. Лихачёв, М. М. Бахтин, А. Г. Головачева, М. П. Громов, Т. А. Марченко, С. А. Кибальник, П. Е. Бухаркин, К. А. Степанян, Е. Ю. Сафронова и др.

«Реминисценция – это творческий «инструмент» художника (автора произведения искусства), вычлняющего из первоисточника (базового кода) еще не использованные возможности, – утверждает И. Р. Багдасарова. – Другими словами, реминисценция выступает авторским средством создания нового художественного образа» [Багдасарова, 2011, с. 207]. Такими «первоисточниками» для Достоевского всегда были и реальность, и литература. Группа писем Достоевского 1855–1857 годов, понимаемая нами как единое эстетическое целое с характерными чертами, необыкновенно ярко демонстрирует соприкосновение этих миров. Точкой их непосредственного контакта становится литературная реминисценция.

«В филологии реминисценция (отголосок, припоминание, отклик) считается одним из способов трансляции историко-культурного опыта. Реминисценция – это неявная отсылка, невольное, чаще бессознательное

припоминание, дежа вю, скрытое заимствование», – отмечает В. Г. Власов [Власов, 2017, с. 4]. Как известно, в понятие реминисценции⁴ включают «какие-либо черты, наводящие на воспоминание о другом произведении», «бессознательное заимствование автором чужих образов или ритмико-синтаксических ходов, что чаще всего бывает следствием так называемой ритмической памяти» [Морозов, 1971, с. 254]. Это пульс литературных предшественников, который бьется внутри конкретного автора; неявное, но вполне ощутимое, сопоставление с чужим словом, предполагающее сознательное или неосознанное его припоминание, бытующее в общекультурном контексте. Появление литературных реминисценций в эпистолярном тексте Достоевского, с одной стороны, «подключает» писателя к существующей культурной традиции⁵ [Федорова, 2001, Стб. 870], вызывая у читателя сложные ассоциации и обогащая текст и его восприятие, а с другой – способствует поиску и зарождению новых образов.

Философский словарь Андре Конт-Спонвиля раскрывает феномен реминисценции в образном ключе и тоже делает акцент на читателе – стороне воспринимающей: «Реминисценция – это накат воспоминаний, приходящих откуда-то издалека и чаще всего остающихся неузнанными и загадочными <...> Реминисценция – не плагиат и не цитата, это даже не аллюзия и не подмигивание зрителю. Это эхо другого творения, прошедшее мимо внимания самого творца. Впоследствии оно доставит немало радостных минут эрудитам» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 493].

В письмах 1855–1857 годов литературные образы, характеры, ситуации как элементы художественного мышления литераторов-предшественников органично «вживляются» в письмо – эго-документ, документально-биографический источник. Способ такого «вживления» – реминисценция, апеллирующая к ассоциативно-образному мышлению адресата и современного читателя, к богатству их духовной культуры. Бесспорно, Достоевский, включая в эпистолярный текст реминисценции, ориентировался на хорошо образованного, подготовленного и проницательного читателя, какими были конкретные адресаты его писем той поры (М. М. Достоевский, М. Д. Исаева, А. Е. Врангель, Ч. Ч. Валиханов и другие). Современному читателю, чтобы

⁴ Термин «реминисценция» приписывается древнегреческому философу Платону. Он появляется в трёх его программных произведениях («Менон», «Федон», «Федр»), где развито учение о природе человеческой души и учение об идеях. Платон полагал, что для души интуиция служит инструментом сбора информации об ином мире [Багдасарова, 2011, с. 212]. Литературная энциклопедия сообщает, что термин «реминисценция» «применялся преимущественно литературоведами сравнительно-исторического и психологического направлений, чтобы обозначить моменты бессознательного подражания в творчестве, которые отличаются от заимствования, то есть сознательного подражания» [Фриче, Луначарский, 1929-1939].

⁵ «Реминисценция – это способ создать определенный контекст для восприятия произведения, подключить его к традиции и одновременно – средство продемонстрировать отличие, новизну создаваемого произведения, вступить в диалог с традицией» [Федорова, 2001, Стб. 870].

распознать реминисцентное цитирование в эпистолярном наследии Достоевского, «раскрыть» реминисценции во всем их многоголосии, следует обратиться к мировой литературе и культуре, философской мысли.

Как известно, сам Ф. М. Достоевский имел обширную личную библиотеку⁶. К некоторым книгам периодически обращался, перечитывал, часто цитировал. После каторги, когда был снят запрет читать и писать, усиленно знакомился с произведениями современников, увидевшими свет в 1849–1854 годы, а также перечитывал интересующие его философские труды: *«А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь. Пришли мне тоже физику Писарева и какую-нибудь физиологию (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевле и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища!»* (т. 28/1, с. 179).

Стремление к «духовной пище» – это по сути желание Достоевского воссоздать, вновь насытить пострадавший за годы каторги литературный контекст, то есть основу реминисцирования.

Реминисценции – уникальное и значительное явление избирательности человеческой и писательской памяти Достоевского. Это и копилка его читательских предпочтений, и глубинный культурный след, который оставили в его душе вечные идеи и образы. Исследователи всегда отмечали необыкновенную отзывчивость писателя к чужому художественному слову. В эпистолярии 1855–1857 годов его носителями становятся А. Р. Лесаж, Н. В. Гоголь, Д. Дефо, Ж. Б. Мольер, О. де Бальзак, М. Ж. Э. Сю, средневековые легенды и сказания об Агасфере, Д. Теннер и сам Ф. М. Достоевский в период своего литературного дебюта. Мы можем легко обозначить круг произведений, назвать имена авторов, к которым писатель направляет своего собеседника. Отсутствие трудностей в формировании указанного литературного списка позволяет нам утверждать, что все реминисценции в эпистолярном тексте Достоевского эксплицитные⁷, то есть легко выявляемые и без труда узнаваемые.

⁶ См. подробнее: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание/ отв. редактор Н. Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.; Буданова Н. Ф. «Книги – это жизнь, пища моя, моя будущность» (Личная библиотека Ф. М. Достоевского) // Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 5-23.

⁷ «Реминисценция может быть эксплицитной, рассчитанной на узнавание, или имплицитной, скрытой» [Федорова, 2001, 870 Стб.]. Классификацию реминисценций см.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. 1596 Стб.

Для более тщательного изучения феномена реминисценции в эпистолярном тексте Достоевского 1855–1857 годов предлагаем их классифицировать по следующим видам.

Во-первых, ситуативные реминисценции. Они сюжетно связаны с событиями в Кузнецке, четко обозначены самим Ф. М. Достоевским (А. Р. Лесажа «Похождения Жиль Блаза из Сантьяны», Ф. М. Достоевский «Бедные люди»). Заметим, что выявление неожиданной сходности литературной и жизненной ситуаций сопровождается реакцией удивления автора. Более того, позднее автореминисценция обнаруживается на разных уровнях художественной или жизненной систем Достоевского, если рассматривать саму жизнь как текст.

Приведем примеры ситуативных реминисценций:

А. Е. Врангелю, 23 марта 1856 года: *«Беденькая! Она измучается. Ей ли с ее сердцем, с ее умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем. Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!)»* (т. 28/1, с. 218).

А. Е. Врангелю, 14 июля 1856 года: *«Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил всё, что может произойти от неравного брака. Со мной то же случилось, что с Gil-Blas'ом и archevêque de Grenade (франц.: с Жиль Блазом и архиепископом Гренадским – Е.Т.), когда он сказал ему правду»* (т. 28/1, с. 236).

Во-вторых, реминисценции, адресующие к классическим типам, художественным образам русской литературы (Н. В. Гоголь «Женитьба»). Данный вид реминисценции характеризует у Достоевского не конкретных лиц, а общую атмосферу провинциального города.

М. М. Достоевскому, 24 марта 1856: *«В маленьком этом городишке интригуют. Ее осаждают просьбами выйти замуж, все вдруг сделались Кочкаревыми. Если она не даст слова, все сделаются ее врагами»* (т. 28/1, с. 219).

В-третьих, припоминания литературного произведения на уровне фразы. Чаще всего, мы встречаем этот вид реминисценции в виде неточной цитаты, которую транслирует Достоевский (Ж. Б. Мольер «Плутни Скапена»).

М. М. Достоевскому, 22 декабря 1856 года: *«Но конец оправданиям! Примирись с фактом, друг мой. Он неотразим, если бог всё устроит, и всевозможные резоны, самые благоразумные, будут похожи на известное восклицание: Mais qu'allait-il faire dans cette galère (франц.: Но что ему понадобилось на этой галере. – Е.Т.)»*

Я согласен, что глупо было попасть сыну Оронта на галеру, к туркам, согласен во всем, во всем, во всех резонах, – но как ни восклицай, как ни жалей, все-таки он dans cette galure (франц.: на этой галере. – Е.Т.), попал в нее, и факт неотразим» (т. 28/1, с. 258).

И, наконец, определительно-образные сравнения (Д. Дефо «Робинзон Крузо», Джон Теннер «Записки», М.Ж.Э. Сю «Вечный Жид» и легенды об Агасфере). Реалии и ситуации своего времени, а также собственные ощущения Достоевский сравнивает с чувствами литературных персонажей, с литературными обстоятельствами, пытается через усвоенный опыт объяснить свою точку зрения.

Таким образом, реминисцентную природу в письмах времён кузнецких событий имеют не только целые художественные произведения, но и образы, фамилии литературных персонажей, запоминающиеся ситуации (положения героев), образные сравнения, отдельные цитаты и сопутствующие им мотивы. Данные виды реминисценций представляют особенности мнемонического запоминания Ф. М. Достоевского, индивидуальные способы выстраивания ассоциаций и их игры, так как по сути «реминисценция – мнемоническая основа художественного творчества» [Власов, 2017, с. 5].

Реминисценции указывают на то, что Достоевского интересуют узловые ситуации в литературных произведениях и поведение героев в них. Архетипические сюжеты или сюжеты мировой литературы с характерными героями преломляются в его индивидуальной жизни, и он «переживает» их уже по-своему.

Например, в письме М. М. Достоевскому от 3 ноября 1857 года читаем: *«Семипалатинск же самый дорогой город в свете. Здесь как будто необитаемый остров, где Робинзон находил самородки золота и ни за какие деньги не мог купить нужной вещи. С открытием области здесь всё вздорожало»* (т. 28/1, с. 289).

М. Д. Исаевой, 4 июня 1855 года: *«Дома я еще долго не спал, ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил всё, всё, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. С тех пор я скитаюсь без цели, настоящий Вечный Жид»* (т. 28/1, с. 188).

Ч. Ч. Валиханову, 14 декабря 1856 года: *«Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих «Записок» о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать (например, вроде «Джона Теннера» в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас»* (т. 28/1, с. 249).

А. Е. Врангелю, 21 декабря 1856 года: *«О барнаульских я не пишу Вам. Я с ними со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!»* (т. 28/1, с. 252).

С литературными припоминаниями в письмах Достоевского тесно переплетаются творческий поиск и движение писательской души к эстетическому возрождению по нескольким живительным литературным кругам. Определим их.

Первый круг – реминисценции из собственных произведений, или автореминисценции⁸.

В эпистолярии времён кузнецких событий эту группу представляет первый роман писателя – «Бедные люди»⁹, который воспринимается как эталон, текст-источник, точка отсчета в новый литературный путь. Самоцитирование раннего эпистолярного романа – это диалог с самим собой, возможность воспринимать собственное творчество как бы со стороны, выйти из ситуации «я-пишущего». Обращение к своему слову, пристальное взглядывание в себя, самоповторение содержат данные первостепенной важности: о языке и стиле Достоевского, о поэтике его художественного мира, о связях формы (что замечательно – эпистолярной) и содержания.

Автореминисцирование в эпистолярном дискурсе 1855–1857 годов происходит на уровнях образной системы (Достоевский – Макар Девушкин, Исаева – Варенька Доброселова) и типичных сюжетных ситуаций (любовный треугольник, влияние фигур второго и третьего плана на развязку сюжета, внезапное изменение обстоятельств и др.). Реминисценцию из «Бедных людей» можно прочитывать и на уровне развития литературного и реального сюжетов, строящихся по принципу «качелей»: любовь, надежда на счастливое разрешение обстоятельств – пустота, безнадежность, разлука – лихорадочный поиск вариантов выхода и помощи, метания – долгожданный выход, кратковременная радость по этому поводу – неожиданный спад, усталость, разбитость (в одной из вариаций, в крайней форме – эпилептический припадок героя).

Но, самое главное, самореминисценция обнажает ключевые и бесконечно волнующие автора душевные вопросы, скрытый процесс его духовной жизни. Она касается глубинного уровня – «подполья»: истинных переживаний главного героя и автора, их металитературного поведения. «Бедные люди» как автореминисценция – это и намек, и озарение по поводу парадоксального совпадения героев в реальности и литературе, их взаимовлияния. Вместе с автореминисценцией в эпистолярный проникают мотивы пророчества, предугадывания событий.

Подчеркнем, что все изменения в жизни автора и его персонажа происходят через письмописание, то есть порождение эпистолярного текста, и ведут, в конечном счете, к появлению новых качеств у пишущих – к эстетическому и нравственному изменениям.

«Металитературно ведут себя многие персонажи: даже если они сами не литераторы, они как бы живут литературой и руководствуются ею. Таков, в частности, заглавный герой основополагающего текста европейской прозы –

⁸ «Реминисценция может отсылать не к «чужому слову», но к другим произведениям того же автора. В этом случае имеет место автореминисценция» [Федорова, 2001, 870 Стб.].

⁹ См. подробнее: Трухан Е.Д. «Роман «Бедные люди» в контексте писем Ф.М. Достоевского времён кузнецких событий» // Филология и человек. – 2021. – № 3. – С. 88-101.

Дон Кихот, читатель рыцарских романов и подражатель их героев. Да и его рассказчик, все время озабоченный и своим авторством, и происхождением текста, плагиатами из него и так далее» [Жолковский, <https://arzamas.academy/courses/57/5>].

Видимо, в этом смысле Ф.М. Достоевскому и были необыкновенно близки Дон Кихот¹⁰ Сервантеса и Макар Девушкин, металитературная история которого нашла продолжение, прежде всего, в литераторе Иване Петровиче из «Униженных и оскорбленных». Иными словами, автореминисценция в эпистолярном тексте Достоевского имеет глубокие связи с миропониманием писателя. Изучая этот аспект на примере самоцитат в поэтическом творчестве, исследователь И. В. Фоменко, например, приходит к выводу: «Если внимательно проанализировать, какие именно автоцитаты наиболее частотны, <...> можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что каждая из них – формула постоянно и всегда волнующей поэта проблемы. «Вставляя» эту формулу в разные контексты, он ищет разные возможности, варианты, способы ее решения. Эти автоцитаты как бы маркируют опорные точки мироощущения поэта» [Фоменко, 1999, с. 342].

Данное утверждение вполне применимо и к эпистолярному дискурсу Достоевского.

Второй круг выделенных нами реминисценций – более широкий – русская литература, поиск творческих сил в национальной традиции. В нашем случае – в начале XIX века. В эпистолярной 1855–1857 годов встречается только одна такая реминисценция. Это припоминание из комедии «Женитьба» Н. В. Гоголя.

Её возникновение тематически связано с кузнецкими днями. Здесь видится не только очерчивание атмосферы вокруг М. Д. Исаевой в Кузнецке после смерти первого мужа, но и продолжение разговора о судьбе маленького человека в её женском провинциальном варианте.

М. М. Достоевскому, 24 марта 1856 года: *«Ее сбивают, указывают на беспомощность ее положения, и вот она наконец, долго таившись от меня, написала мне об этом. Пишет, что любит меня больше всего на свете, что возможность выйти замуж за другого еще одно предположение, но спрашивает: «что ей делать?» – и молит меня, чтоб я не оставил ее в эту критическую минуту советом. Это известие меня поразило, как громом. Я истерзан мучениями. Что если ее собьют с толку, что если она погубит себя, она, с чувством, с сердцем, выйдя за какого-нибудь мужика, олуха, чиновника, для куска хлеба себе и сыну, она только могла бы это сделать! Но каково же продать себя, имея другую любовь в сердце. Каково же и мне?»* (т. 28/1, с. 220).

¹⁰ Достоевский писал о значении романа Сервантеса «Дон Кихот» в «Дневнике писателя» за 1876 год (январь-апрель): «Во всем мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, и это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек...» (22; 92). А в «Дневнике писателя» за 1877 год вновь замечал: «Эту самую грустную из книг не забудет взять с собою человек на последний суд Божий. Он укажет на сообщенную в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества»; «... величайшая и самая грустная книга из всех, созданных гением человека» (т. 26, с. 25).

А. Е. Врангелю, 9 ноября 1856 года: *«Бедная, она терпит лютую долю! Жить в Кузнецке ужасно. <...> живет крохами, которые присылает ей отец, тихо, скромно, кротко, заставив уважать себя весь городишко. Это твердый, сильный характер»* (т. 28/1, с. 252).

Обращение к Гоголю, творчество которого Достоевский бесконечно ценил, неслучайно: это диалог с открывателем тайн человеческой души, её бездны, подполья. Символично, что именно гоголевские типы возникнут в «Дядюшкином сне», «Селе Степанчиково и его обитателях», «Записках из подполья», то есть гоголевское слово, отмеченное в эпистолярии в виде реминисценции, зазвучит сильнее на других уровнях. К описанию круга гоголевских реминисценций обращались И. А. Виноградов, С. А. Кибальник и др.

Третий круг – самый широкий – мировая зарубежная литература. По количеству реминисценций самая многочисленная. Реминисценции из произведений классиков зарубежья – это выход Достоевского в более широкий контекст, к образам европейских национальных литератур, а также легендам, мифам, сказаниям, с которыми он был хорошо знаком.

Изучение личной библиотеки писателя подтверждает это.

«Среди книг на иностранных языках в библиотеке Достоевского центральное место также принадлежит художественной литературе. Английскую литературу представляли Байрон, Вальтер Скотт, Купер, Диккенс; немецкую – Гете, Шиллер, Гофман; испанскую – «Дон-Кихот» Сервантеса (в лучшем французском переводе); французскую – Лесаж, Расин, Корнель, Мольер, Вольтер, Бернарден де Сен Пьер, Шатобриан, Бальзак, Гюго, Золя, Сю, Санд и некоторые другие. Западноевропейские авторы представлены также в русских переводах», – отмечает Н. Ф. Буданова [Буданова, 2005, с. 20].

Достоевский читал литературные произведения зарубежных авторов на французском и немецком языках, а также в переводах на русский язык. Произведения французских авторов превалировали в писательской библиотеке, что вполне понятно: французский был вторым, почти родным языком для Достоевского, на нём он свободно общался, читал, делал переводы¹¹. Интенсивное чтение французских авторов можно расценить и как попытку более глубоко понять свою возлюбленную – Марию Исаеву (Констант), француженку по происхождению, приблизиться к непредсказуемым, не вполне понятным событиям в Кузнецке, разворачивающимся по законам новеллы, плутовского или приключенческого романов, «человеческой комедии».

Исследователи реминисценций неоднократно отмечали, что появление этого феномена в авторском тексте любого жанра «открывает» ему путь в диалогичное и бесконечное пространство культуры. Рассмотрим, как организуется этот диалог с эпистолярным текстом Достоевского, какие функции он выполняет.

¹¹ Как известно, в юношескую пору, до начала самостоятельного литературного творчества, Достоевский осуществляет первый перевод с французского на русский язык книги О. де Бальзака «Евгения Гранде» (1843). В 1844 году его публикуют в 6-й и 7-й книгах журнала «Репертуар и Пантеон».

Так, истоки легенды о Вечном Жиде (Агасфере), с которым сравнивает себя писатель после отъезда Исаевых в Кузнецк, уходят корнями в древние легенды и сказания, бытующие в многочисленных вариантах. Известно, что Вечный Жид был осужден на бесконечное странничество и вечные муки за то, что глумился над Христом или ударил его на пути к месту распятия. Суть легенды об Агасфере – месть богов, непременно воздаяние божества человеку, согрешившему против него. Образ Вечного Жида – персонажа средневековых легенд – и сюжет, связанный с ним, обрел большую популярность в мировой культуре. Для Достоевского же стал способом проявления христианских мотивов в образе автора письма – повествователя. Позднее этот аспект станет существенно важным уже в художественном тексте, например, в «Записках из Мертвого дома», «Преступлении и наказании».

Имя французского политика, дипломата и мемуариста Шарля Талейрана, занимавшего пост министра иностранных дел при трёх режимах, стало почти нарицательным во времена Достоевского. Его упоминает писатель, характеризуя типичного жителя города Барнаула. В авторской оценке сквозит неприкрытая ирония, усиленная увеличением количества барнаульских талейранов. В сочетании с эпитетом «доморощенные» она приближается к сарказму. В городском фольклоре Талейран – синоним хитрости, ловкости и беспринципности, а в эпистолярии Достоевского – элемент архитектоники провинциального города, его текста. Стоит отметить, что данный образ не только связан с городским фольклором. Возможно, в своем составе он содержит апелляцию к персонажу романа «Тёмное дело» (1841) Оноре де Бальзака, одного из любимых французских авторов Фёдора Михайловича.

Припоминание романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» также обращает нас к провинциальному сибирскому городу, но на этот раз – к Семипалатинску. Его писатель сравнивает с необитаемым островом. У Достоевского возникает сложная ассоциация, объединяющая бытовые факты – реальное положение дел на рынках города, где властвует дороговизна и дефицит товара, где невозможно купить самое необходимое, с эпизодом из известного приключенческого романа-путешествия. Так реминисценция из Дефо способствует актуализации остро публицистического факта того времени.

Исследователи отмечают, что при реминисцировании автор мог припомнить сразу несколько текстов-источников, никак непосредственно не связанных друг с другом. В этом случае в тексте возникает многоголосие, сложная перекличка чужих голосов, расширяющая границы авторского пространства и понимания способов его реминисцирования. Нечто подобное происходит с «Записками» (1830; франц. пер.–1835) американского мемуариста Джона Теннера и А. С. Пушкиным. Комментаторы к письмам Достоевского указывают, что писатель был знаком с «Записками» опосредованно, через статью А. С. Пушкина «Джон Теннер» из первого посмертного девятитомного собрания его сочинений (1838–1841): «Советую Валиханову писать «вроде Джона Теннера», Достоевский несомненно опирался на высокую оценку, данную Пушкиным «Запискам». В числе достоинств

«Записок», представляющих «самый полный и, вероятно, последний документ бытия народа, коего скоро не останется и следов» (Пушкин. Т. 12. с. 104), Пушкин отметил их достоверность и правдивость, а также «простодушие» и «смирненную простоту повествования» (т. 28/1, с. 478).

Несколько другие «сложности» возникают с реминисценцией из пьесы Ж. Б. Мольера «Плутни Скапена» (1671), фразу которой Достоевский воспроизводит неточно. В комедии (действие II, явление 11) её неоднократно повторяет один из персонажей – Жеронт (в эпистолярной 1855–1857 годов он ошибочно назван Оронтом): «*Mais que diable allait-il à cette galère?*» (франц.: «*Но какого черта ему понадобилось на этой галере?*» – Т. Е.). Оказалось, что Мольером эта фраза тоже была заимствована. Ее автором считают Сирано де Бержерака, и звучит она в комедии «Одураченный педант» (1654). Иными словами, налицо двойное заимствование. Узнаваемость цитаты сразу в двух литературных источниках определила её скрытое многоголосие в эпистолярной.

В завершение – несколько слов по поводу реминисценции из плутовского романа А.-Р. Лесажа «Похождения Жиль Блаза из Сантьяны» (1715–1735). Достоевский силой воспоминания направляет читателя к III и IV главам седьмой книги романа, где рассказывается о том, как главный герой, попавший на службу к архиепископу Гренадскому и ставший его фаворитом, лишается в одночасье всего: служебного места, расположения своего господина и даже изгоняется из Гренады. Кардинальные перемены в судьбе Жиль Блаза произошли из-за того, что он высказал архиепископу правду о его последней проповеди: она оказалась слабее других, потому что написана после апоплексического удара. Ассоциативная связь ситуации в Кузнецке с романом Лесажа была продиктована двумя моментами. С одной стороны, Достоевского поразила внезапность произошедших перемен, разрешивших конфликт в самой крайней, невероятной вариации. С другой стороны – причина этих изменений оказалась столь же невероятна: автор эпистолярного послания, как и Жиль Блаз, всего лишь сказал своим близким правду. Появление реминисценции из Лесажа демонстрирует пристальное внимание Ф. М. Достоевского к диалектике реального и невероятного, построению и развитию сюжета по законам плутовского романа: в Великом Пятикнижии он не раз обратится к этой традиции для создания напряженности сюжета и непредсказуемости его развязки.

Подводя итоги, отметим, что реминисценция была органична творческому сознанию Достоевского. В письмах 1855–1857 годов ему удалось использовать её богатый потенциал и диалогические возможности. Изучение эпистолярной Достоевского времен кузнецких событий показало, что реминисцентную природу в них имеют художественные образы, фамилии литературных персонажей, ситуации из произведений русской и зарубежной литературы, образные сравнения, отдельные цитаты и связанные с ними мотивы. Писателя глубоко волновали узловые ситуации литературных произведений и поведение героев в них. Все это говорит об особенностях авторского творческого мышления и мнемонического запоминания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амелин, Г. Лекции по философии литературы / Г. Амелин. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 417 с.

Ашимбаева, Н. Т. Достоевский. Контекст творчества и времени / Н. Т. Ашимбаева. – Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. – 282 с.

Багдасарова, И. Р. Термин «реминисценция» в искусствознании (теория вопроса) / И. Р. Багдасарова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – Выпуск 130. – С. 205–213. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/termin-reministsentsiya-v-iskusstv-oznani-teoriya-voprosa>, свободный (5.07.2021).

Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев: FIRM «NEXT», 1994. – 5-е изд., доп. – 510 с.

Бахтин, М. М. Работы 1920-х годов / М. М. Бахтин. – Киев: FIRM «NEXT», 1994. – 5-е изд., доп. – 384 с.

Бахтин, М. М. Собрание сочинений: в 6 т. / М. М. Бахтин. – Москва: Языки славянских культур, 1996–2012. – Т. 6. – 800 с.

Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание/ отв. редактор Н. Ф. Буданова. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 338 с.

Буданова, Н. Ф. «Книги – это жизнь, пища моя, моя будущность» (Личная библиотека Ф. М. Достоевского) / Н. Ф. Буданова // Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – С. 5–23.

Бухаркин, П. Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблемы культурного диалога / П. Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1996. – 170 с.

Бухаркин, П. Е. Риторика и смысл. Очерки / П. Е. Бухаркин. – Санкт-Петербург: Изд-во: СПбГУ, 2001. – 168 с.

Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; Под ред. Л. В. Чернец. – Москва: Высш. шк.; Академия, 1999. – 556 с.

Ветловская, В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» / В. Е. Ветловская. – Ленинград: Художественная литература, 1988. – 208 с.

Виноградов, И. А. Литературная проповедь Н. В. Гоголя: pro et contra / И. А. Виноградов // Проблемы исторической поэтики. – 2018. Т. 16. – № 2. – С. 49–124.

Власов, В. Г. Реминисценция как мнемоника архитектуры / В. Г. Власов // Архитектон: известия вузов. – 2017. – № 3(59). – С. 1–19. – URL: http://archvuz.ru/2017_3/1, свободный (1.07.2021).

Головачева, А. Г. «Звук лопнувшей струны» (непрочитанные страницы «Вишневого сада») / А. Г. Головачева // Крымские пенаты. – 1996. – № 3. – С. 31–39.

Громов, М. П. Скрытые цитаты (Чехов и Достоевский) / М. П. Громов // Чехов и его время / под ред. Опульской Л. Д., Паперного З. С., Шаталова С. Е. – Москва: Наука, 1977. – С. 39–52.

Жолковский, А. К. Зачем литература рассказывает о себе самой? (лекция 5 из курса «Как работает литература / А. К. Жолковский. – URL: <https://arzas.academy/courses/57/5>, свободный. (10.03.2020).

Зелянская, Н. Л. Мифоонтология писательства. Федор Достоевский: творческий путь до эшафота: монография / Н. Л. Зелянская. – Оренбург: ИПУ ГОУ ОГУ, 2006. – 114 с.

Кибальник, С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского / С. А. Кибальник. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2013. – 363 с. (Серия «Новая и старая русская классика»).

Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль. – Москва: Этерна, Палимпсест, 2012. – 752 с.

Лейбов, Р. Г. Заметки о «Скверном анекдоте» / Р. Г. Лейбов // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 158–173.

Лихачев, Д. С. Литература – реальность – литература: статьи / Д. С. Лихачев. – Ленинград: Советский писатель, 1984. – 271 с.

Марченко, Т. А. Искусство быть зрителем, или Приглашение к спору / Т. А. Марченко. – Ленинград; Москва: Искусство, 1966. – 239 с.

Морозов, Ал. Реминисценция: словарная статья / Ал. Морозов // Краткая литературная энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6. – С. 254.

Нечаева, В. С. Ранний Достоевский, 1821–1849 / В. С. Нечаева. – Москва: Наука, 1979. – 288 с.

Реминисценция: словарная статья // Большой Энциклопедический словарь. 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254062>, свободный (13.07.2021).

Реминисценция: словарная статья // Литературная энциклопедия: в 11 т. / под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. – Москва: Изд-во Коммунистической академии, «Советская энциклопедия», «Художественная литература». 1929–1939. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3964/ Реминисценция, свободный (5.07.2021).

Реминисценция: словарная статья // Словарь русских синонимов. 2013. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/153706/реминисценция, свободный (13.07.2021).

Реминисценция: словарная статья // Философский словарь Спонвиля. 2012. Режим доступа: https://philosophy_sponville.academic.ru/1712/ Реминисценция, свободный (5.07.2021).

Семенов, Е. И. Роман Достоевского «Подросток»: проблематика и жанр / Е. И. Семенов. – Ленинград: Наука, 1979. – 167 с.

Творчество Ф. М. Достоевского: сборник статей / под редакцией Н. Л. Степанова (отв. ред.) и др. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 546 с.

Федорова, Л. Г. Реминисценция: словарная статья / Л. Г. Федорова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. – Стб. 870.

Фридендер, Г. М. Реализм Достоевского / Г. М. Фридендер. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – 404 с.

Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад» / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Чехов. комис.; [отв. ред. В. В. Гульченко]. – Москва: Наука, 2005. – 593 с.

Щенников, Г. К. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания (к 175-летию со дня рождения писателя) / Г. К. Щенников. – Челябинск: б/и, 1996. – 178; XII с.

Щенников, Г. К. Литературность / Г. К. Щенников // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / под ред. Г. К. Щенникова. – Челябинск: Металл, 1997. – С. 94–96.

Фоменко, И. В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; Под ред. Л. В. Чернец. – Москва: Высш. шк.; Академия, 1999. – С. 339–345.

REFERENCES

Amelin, G. Lekcii po filosofii literatury / G. Amelin. – Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. – 417 s.

Ashimbaeva, N. T. Dostoevskij. Kontekst tvorchestva i vremeni / N. T. Ashimbaeva. – Sankt-Peterburg: Serebryanyj vek, 2005. – 282 s.

Bagdasarova, I. R. Termin «reminiscenciya» v iskusstvovoznanii (teoriya voprosa) / I. R. Bagdasarova // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2011. – Vypusk 130. – S. 205–213. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/termin-reministsentsiya-v-iskusstvovoznanii-teoriya-voprosa>, svobodnyj (5.07.2021).

Bahtin, M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo / M. M. Bahtin. – Kiev: FIRM «NEXT», 1994. – 5-e izd., dop. – 510 с.

Bahtin, M. M. Raboty 1920-h godov / M. M. Bahtin. – Kiev: FIRM «NEXT», 1994. – 5-e izd., dop. – 384 s.

Bahtin, M. M. Sbranie sochinenij: v 6 t. / M. M. Bahtin. – Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1996–2012. – T. 6. – 800 s.

Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstrukcii. Nauchnoe opisanie/ otv. redaktor N. F. Budanova. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2005. – 338 s.

Budanova, N. F. «Knigi – eto zhizn', pishcha moy, moy budushchnost'» (Lichnaya biblioteka F. M. Dostoevskogo) / N. F. Budanova // Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstrukcii. Nauchnoe opisanie. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2005. – S. 5–23.

Buharkin, P. E. Pravoslavnaya cerkov' i russkaya literatura v XVIII–XIX vekah. Problemy kul'turnogo dialoga / P. E. Buharkin. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU, 1996. – 170 s.

Buharkin, P. E. Ritorika i smysl. Ocherki / P. E. Buharkin. – Sankt-Peterburg: Izd-vo: SPbGU, 2001. – 168 s.

Chekhoviana. «Zvuk lopnuvshej struny»: k 100-letiyu p'esy «Vishnevyy sad» / Ros. akad. nauk, Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury, Chekhov. komis.; [otv. red. V. V. Gul'chenko]. – Moskva: Nauka, 2005. – 593 s.

Fedorova, L. G. Reminiscenciya: slovarnaya stat'ya / L. G. Fedorova // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij / Pod red. A. N. Nikolyukina. – Moskva: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN: Intelvak, 2001. – Stb. 870.

Fridlender, G. M. Realizm Dostoevskogo / G. M. Fridlender. – Moskva; Leningrad: Nauka, 1964. – 404 s.

Fomenko, I. V. Citata / I. V. Fomenko // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy: Ucheb. posobie / L. V. Chernec, V. E. Halizev, S. N. Brojtman i dr.; Pod red. L. V. Chernec. – Moskva: Vyssh. shk.; Akademiya, 1999. – S. 339–345.

Golovacheva, A. G. «Zvuk lopnuvshej struny» (neprochitannye stranicy «Vishnevogo sada») / A. G. Golovacheva // Krymskie penaty. – 1996. – № 3. – S. 31–39.

Gromov, M. P. Skrytye citaty (Chekhov i Dostoevskij) / M. P. Gromov // Chekhov i ego vremena / pod red. Opuľ'skoj L. D., Papernogo Z. S., Shatalova S. E. – Moskva: Nauka, 1977. – S. 39–52.

Kibal'nik, S. A. Problemy intertekstual'noj poetiki Dostoevskogo / S. A. Kibal'nik. – Sankt-Peterburg: ID «Petropolis», 2013. – 363 s. (Seriya «Novaya i staraya russkaya klassika»).

Kont-Sponvil', A. Filosofskij slovar' / A. Kont-Sponvil'. – Moskva: Eterna, Palimpsest, 2012. – 752 s.

Lihachev, D. S. Literatura – real'nost' – literatura: stat'i / D. S. Lihachev. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1984. – 271s.

Lejbov, R. G. Zametki o «Skvernom anekdote» / R. G. Lejbov // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1994. – № 8. – S. 158–173.

Marchenko, T. A. Iskusstvo byt' zritelem, ili Priglasenie k sporu / T. A. Marchenko. – Leningrad; Moskva: Iskusstvo, 1966. – 239 s.

Morozov, A. I. Reminiscenciya: slovarnaya stat'ya / A. I. Morozov // Kratkaya literaturnaya enciklopediya. – Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1971. T. 6. – S. 254.

Nechaeva, V. S. Rannij Dostoevskij, 1821–1849 / V. S. Nechaeva. – Moskva: Nauka, 1979. – 288 s.

Reminiscenciya: slovarnaya stat'ya // Bol'shoj Enciklopedicheskij slovar'. 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254062>, svobodnyj (13.07.2021).

Reminiscenciya: slovarnaya stat'ya // Literaturnaya enciklopediya: v 11 t. / pod redakciej V. M. Friche, A. V. Lunacharskogo. – Moskva: Izd-vo Kommunisticheskoj akademii, «Sovetskaya enciklopediya», «Hudozhestvennaya literatura». 1929–1939. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3964/Reminiscenciya, svobodnyj (5.07.2021).

Reminiscenciya: slovarnaya stat'ya // Slovar' russkih sinonimov. 2013. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/153706/reminiscenciya, svobodnyj (13.07.2021).

Reminiscenciya: slovarnaya stat'ya // Filosofskij slovar' Sponvilija. 2012. Rezhim dostupa: https://philosophy_sponville.academic.ru/1712/Reminiscenciya, svobodnyj (5.07.2021).

Semenov, E. I. Roman Dostoevskogo «Podrostok»: problematika i zhanr / E. I. Semenov. – Leningrad: Nauka, 1979. – 167 s.

Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: sbornik statej / pod redakciej N. L. Stepanova (otv. red.) i dr. – Moskva: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. – 546 s.

Shchennikov, G. K. Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» kak yavlenie nacional'nogo samosoznaniya (k 175-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) / G. K. Shchennikov. – Chelyabinsk: b/i, 1996. – 178; XII s.

Shchennikov, G. K. Literaturnost' / G. K. Shchennikov // Dostoevskij: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik / pod red. G. K. Shchennikova. – Chelyabinsk: Metall, 1997. – S. 94–96.

Vetlovskaya, V. E. Roman F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi» / V. E. Vetlovskaya. – Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, 1988. – 208 s.

Vinogradov, I. A. Literaturnaya propoved' N. V. Gogolya: pro et contra / I. A. Vinogradov // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2018. T. 16. – № 2. – S. 49–124.

Vlasov, V. G. Reminiscenciya kak mnemonika arhitektury / V. G. Vlasov // Arhitekton: izvestiya vuzov. – 2017. – № 3(59). – S. 1–19. – URL: http://archvuz.ru/2017_3/1, svobodnyj (1.07.2021).

Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy: Ucheb. posobie / L. V. Chernec, V. E. Halizev, S. N. Brojtman i dr.; Pod red. L. V. Chernec. – Moskva: Vyssh. shk.; Akademiya, 1999. – 556 s.

Zholkovskij, A. K. Zachem literatura rasskazyvaet o sebe samoj? (lekciya 5 iz kursa «Kak rabotaet literature / A. K. Zholkovskij. – URL: <https://arzas.academy/courses/57/5>, svobodnyj. (10.03.2020).

Zelyanskaya, N. L. Mifootologiya pisatel'stva. Fedor Dostoevskij: tvorcheskij put' do eshafota: monografiya / N. L. Zelyanskaya. – Orenburg: IPU GOU OGU, 2006. – 114 s.